

ИСТОЧНИКИ РЕГУЛИРОВАНИЯ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКО-ПРАВОВЫХ ОТНОШЕНИЙ: ТЕНДЕНЦИИ И ПУТИ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ

© 2016 г. Василий Андреевич Лаптев¹

Современный предпринимательско-правовой режим осуществления предпринимательской деятельности свидетельствует о тесной связи экономических процессов в стране и права. Система норм предпринимательского правопорядка как основа регулирования экономических отношений переосмысливается вместе с изменениями подходов к регулированию существующих и освоению новых отраслей экономики. Автором представленной статьи исследуется система источников современного предпринимательского права. Раскрываются отдельные виды источников права и их значение в регулировании общественных отношений.

The modern law enterprise regime the business activity implementation, testifies about close connection of economic processes in the country and law. The system of norms of an enterprise law and order as a basis of regulation of the economic relations is reinterpreted together with changes of the approaches to regulation existing and to development of economy new branches. The author presented system of law sources of the modern enterprise law. Separate types of sources and their value to public relations regulation are shown.

Ключевые слова: предпринимательство, предпринимательское право, источники предпринимательского права, система источников, предпринимательский правопорядок.

Key words: business activity, business Law, sources of the business Law, system of sources, business law and order.

Изучение правоведами системы источников отраслей права позволяет решить многие задачи, в том числе определить предмет регулирования (круг общественных отношений), методы правового регулирования, направления развития и новации законодательства, переосмыслить принципы права, понять степень влияния международного права и международных интеграционных процессов на внутrigосударственное право.

Правовые явления необходимо рассматривать в связке с экономическими процессами, политической руководством страны, социально-демографическими проблемами, географическими и климатическими особенностями регионов страны и историческими событиями. Право выполняет задачу эффективного регулятора общественных отношений и одновременно является гарантом стабильности гражданского оборота, защиты прав участников общественных отношений, интересов государства и общества.

В настоящей статье будут освещены отдельные события в юридической жизни и взгляды ученых, некоторые закономерности развития предпринимательского права, направления совершенствования действующего законодательства² и вопросы практики применения норм о предпринимательстве.

Для начала необходимо очертить предмет отношений, подпадающих под рассматриваемый правовой режим. Автором исследуются источники регулирования *предпринимательско-правовых отношений*, включая экономическую деятельность, отношения по регулированию предпринимательства и внутривозвратные отношения³.

Межотраслевым фундаментом и основным источником российского права является Конституция РФ 1993г. Ее понятные и логически выстроенные положения, определяющие основы предпринимательства и экономики страны в целом, непрерывно изучаются учеными⁴. Фор-

¹ Судья Арбитражного суда г. Москвы, председатель Научно-консультативного совета при Арбитражном суде г. Москвы, старший научный сотрудник Института государства и права РАН, кандидат юридических наук (E-mail: laptev.va@gmail.com).

Vasily Laptev, Judge of the Arbitration court of Moscow, Chairman of the Scientific Advisory Board of the Arbitration court of Moscow, senior researcher, Institute of state and law of Russian Academy of Sciences, PhD in Law (E-mail: laptev.va@gmail.com).

² Автором рассматривается понятие “законодательство” как совокупность законов.

³ Подробнее см.: *Лаптев В.В.* Предпринимательское (хозяйственное) право и реальный сектор экономики. М., 2010; *Лаптев В.А.* Предмет современного предпринимательского права // Гос. и право. 2015. № 3. С. 17–28; и др.

⁴ См.: *Андреева Г.Н.* К вопросу о понятии экономической конституции // Конституционное и муниципальное право. 2010. № 7. С. 9–13; *Ее же.* О месте концепции “экономической конституции” в европейском дискурсе // Журнал рос. права. 2007. № 12.

мирование предпринимательского правопорядка закрепились в совместном ведении Российской Федерации и субъектов Российской Федерации (ст. 71 и 72). Данная черта отличает предпринимательское от гражданского законодательства, последнее из которых бесспорно находится в федеральном ведении (ст. 71 Конституции РФ).

В отечественном правоведении 2014 г. запомнился двумя событиями: *реформой гражданского законодательства* и *судебной реформой*, которые не были спонтанными и являются обстоятельствами, выдержанными временем.

Сейчас трудно сказать, что стало точкой отсчета начала реформирования гражданского законодательства: то ли “антирейдерский пакет”⁵ законов, предложенный экс-президентом России Д.А. Медведевым, направленный на защиту прав предпринимателей и предотвращение корпоративных конфликтов, то ли *Концепция развития гражданского законодательства* (2009 г.)⁶, целью которой было создание благоприятной инвестиционной и правовой среды российскому бизнесу. А может, и оба обстоятельства послужили причиной принятия солидного пакета законов. Тем не менее общим итогом стало обновление (актуализация) законодательства о корпорациях с учетом зарубежного опыта, расширение положений и сфер действия норм об обязательствах, уточнение отдельных форм обязательств и т.д.

Гражданский кодекс РФ, претендующий на “экономическую конституцию”, хотя и не без обоснованный критики⁷, претерпел существенные изменения. Статья 2 ГК РФ дополнена корпоративными отношениями (наряду с обязательственными и вещными). Все организации были разделены на корпоративные и унитарные, публичные и непубличные (гл. 4), закреплены общие требования к корпоративному договору (ст. 67.2), введен правовой режим решений собраний (гл. 9.1), видоизменены общие положения об обязательствах (ст. 307, 307.1 и т.д.), скорректированы положения о сделках и многое другое.

На какое-то время ГК РФ стал даже “специальным законом” по отношению к Федеральному

закону “Об акционерных обществах” (далее – Закон об АО), Федеральному закону “Об обществах с ограниченной ответственностью” (далее – Закон об ООО) и другим актам, в которые были позже внесены соответствующие изменения. В результате поправок, в частности, из Закона об АО “изъяли” организационно-правовую форму “закрытые акционерные общества”, а открытые, по сути, стали публичными, остальные общества – непубличными (ст. 7). Появилось также положение об “опубликовании” общества (ст. 7.1), утрате публичного статуса (ст. 7.2) и обязанности сообщать обществу о факте заключения акционерного соглашения (п. 4.1 ст. 32.1). Поправки в Закон об ООО закрепили обязанность уведомлять общество о факте заключения договора об осуществлении права участников (абз. 2 п. 3 ст. 8). Уменьшили срок, в течение которого участник общества должен полностью оплатить свою долю, до четырех месяцев с момента регистрации общества (п. 1 ст. 16).

Поправки в ГК РФ по-разному толкуются цивилистами и хозяйственниками. По мнению Ю.К. Толстого, закрепление корпоративных отношений в ГК РФ так и не получило однозначной оценки у ряда цивилистов: “В учебнике по гражданскому праву Е.А. Суханов, хотя и не без колебаний, отнес корпоративное право к подотрасли гражданского права: оно то появлялось у него в числе этих подотраслей, то исчезало”⁸. Такое положение обусловлено тем, что корпорация – это гражданско-правовое сообщество, которое может регистрироваться в качестве юридического лица, а может и не иметь таковую (например, общее собрание кредиторов), о чем указал Верховный Суд РФ в п. 118 постановления Пленума Верховного Суда РФ “О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации” от 23 июня 2015г. № 25⁹. Таким образом, перед цивилистами встала нелегкая задача: отнести “корпорации” к разделу “лица” или же “корпоративные отношения” – к видам отношений, регулируемых гражданским правом.

Видится убедительной позиция В.В. Лаптева об отнесении внутрихозяйственных (корпоративных) отношений к предмету предпринимательского права, поскольку они носят управленческий характер. По крайней мере в науке предпринимательского права в данном вопросе никогда спора не было. В частности, в силу ст. 181.1 ГК РФ и

⁵ См.: проект федерального закона № 387589-4 “О внесении изменений в Основы законодательства Российской Федерации о нотариате и некоторые другие законодательные акты Российской Федерации” (2007 г.), проект федерального закона № 192734-5 “О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части совершенствования порядка учета прав собственности при разрешении корпоративных конфликтов” (2009 г.) и др.

⁶ См.: Вестник Высшего Арбитражного Суда РФ. 2009. № 11.

⁷ См.: Андреев В.К. Предпринимательское законодательство России. Научные очерки. М., 2008. С. 10, 11.

⁸ Толстой Ю.К. Е.А. Суханов на путях совершенствования отечественного законодательства // Правоведение. 2007. № 1. С. 152–161.

⁹ См.: Бюллетень Верховного Суда РФ. 2015. № 8.

п.103 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23 июня 2015 г. № 25 решения гражданско-правового сообщества (собраний) обязательны для всех лиц такого сообщества (участников корпоративных отношений). В данном случае налицо единство частных и публичных элементов в рассматриваемых правоотношениях, что не свойственно доктрине частного права.

Знаковым юридическим событием стали судебная реформа и упразднение Высшего Арбитражного Суда РФ. Функции верховного судебного контроля осуществляет Верховный Суд РФ. Необходимо подметить некую закономерность в исторических фактах, поскольку настоящая структура судебной системы, объединяющей суды всех уровней под единым началом Верховного Суда РФ, существовала и раньше. Самостоятельная система арбитражных судов, по сути, просуществовала чуть более 20 лет, а ранее существовавшая система государственных арбитражей относилась к исполнительной ветви власти.

В начале проведения судебной реформы научная и юридическая общественность, прямо говоря, высказывала опасение за будущее судебной практики после объединения арбитражных судов с судами общей юрисдикции¹⁰. Однако после фактического объединения судов надо признать, что основная цель, сформулированная Президентом России В.В. Путиным, – “единообразие судебной практики”¹¹, была достигнута.

После завершения судебной реформы председатель Верховного Суда РФ В.М. Лебедев справедливо обратил внимание на то, что “Эффективность работы суда повысилась. Объединение очень способствовало тому, что и ВС РФ стал более продуктивен в работе над своими правовыми позициями, анализе судебной практики”¹², доказательствами чего служат последние постановления Пленума ВС РФ от 23 июня 2015 г. № 25 “О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации”, от 29 сентября 2015 г. № 43 “О некоторых вопросах, связанных с применением норм Гражданского кодекса Российской Федерации об исковой давности”¹³ и др. Таким

образом, позитивный опыт судебного нормотворчества Высшего Арбитражного Суда РФ и развития *арбитражной судебной практики*¹⁴ были продолжены в работе Верховного Суда РФ.

В правосознании каждого юриста лежит правило: норма права должна обладать важнейшим признаком – правовой определенностью и в вопросе толкования нормы права, и в ее применении к конкретным правоотношениям. Судебная практика, ставшая очевидным источником российского права¹⁵, формулирует единые правовые подходы в применении норм права.

Судебное нормотворчество Верховного Суда РФ свидетельствует о том, что помимо разъяснений существующих норм права формируются новые нормы права. Например, в п. 112 постановления Пленума ВС РФ от 23 июня 2015 г. № 25 указывается, что срок исковой давности для признания ничтожного решения собрания недействительным исчисляется по аналогии с правилами об оспоримых решениях, однако из норм самого ГК РФ подобное не следует. Если также при реформировании ГК РФ большинство сделок стали оспоримыми и только некоторые могут быть ничтожными, то благодаря разъяснениям Верховного Суда РФ судам предоставлено право признавать ничтожными сделки, нарушающие требования закона или иного правового акта и при этом посягающие на публичные интересы либо права и охраняемые законом интересы третьих лиц, в частности, если при их совершении был нарушен явно выраженный запрет, установленный законом (п. 74-75). Таким образом, судебское усмотрение при оценке фактически сложившихся между сторонами отношений расширено по сравнению с тем, как это закреплено в ГК РФ.

Изменчивость *законодательства* стала активно обсуждаться на научно-практических мероприятиях (“круглых столах” и конференциях), в которые часто “подмешиваются” различные течения научных школ. Так, представителями Исследовательского центра частного права им. С.С. Алексеева при Президенте РФ¹⁶ с изначальным предназначением осуществления научно-исследовательской деятельности в области част-

¹⁰ См.: *Фоков А.П.* Объединение Верховного Суда Российской Федерации и Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации: “за” и “против” // *Росс. судья.* 2013. № 8. С. 2–5.

¹¹ См.: Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 12 декабря 2013 г. // *Росс. газ.* 2013. 13 дек.

¹² Международный юридический форум стран Азиатско-Тихоокеанского региона (г. Владивосток, 2015 г.) // <http://www.kommersant.ru/doc/2824328>

¹³ См.: *Росс. газ.* 2015. 5 окт.

¹⁴ См.: *Толстой Ю.К.* Из пережитого. М., 2015. С. 497.

¹⁵ См.: *Лаптев В.А.* Решения судов в составе судебной практики: применение закона и принципа справедливости // *Арбитражный и гражданский процесс.* 2015. № 10.

¹⁶ См.: Указ Президента РФ «Вопросы федерального государственного бюджетного научного учреждения “Исследовательский центр частного права имени С.С. Алексеева при Президенте Российской Федерации”» от 18 июля 2008 г. // *Собрание законодательства РФ.* 2008. № 29 (Ч. 1). Ст. 3479.

ного права, включая выработку рекомендаций “по вопросам правового обеспечения рыночных отношений и иным вопросам, *относящимся к области частного права*”, стали активно исследоваться вопросы публично-правовых аспектов деятельности предпринимателей. В круг вопросов вошли проблемы управления и регистрации корпораций, учета прав на доли уставных капиталов, регистрации прав на недвижимое имущество и залога прав на движимые вещи, оценки принципов публичной достоверности ЕГРЮЛ и ЕГРП и противопоставления права, определение публичных интересов (в том числе публичных режимов) и интересов группы лиц, публично-частное партнерство и иные проблемы.

Публично-правовые аспекты предпринимательских отношений традиционно исследовались учеными-хозяйственниками, в то время как цивилисты старались их не замечать, поскольку последние руководствовались догмами частного права (принцип автономии воли, диспозитивности воли участников гражданского оборота и т.д.). Вместе с этим, такая закономерность не удивительна и давно была предсказана Ю.К. Толстым¹⁷, подчеркнувшим принципиальную ошибку правоведов – разработку концепции развития отечественного законодательства без учета публично-правовых аспектов.

Применительно к системе предпринимательского права современное состояние норм права, регулирующих экономическую (в том числе предпринимательскую) деятельность, составляет значительную часть всего российского права. Давно высказанное предложение учеными-хозяйственниками, среди которых В.В. Лаптев, В.К. Мамутов, О.А. Красавчиков и др.¹⁸, о целесообразности **кодификации предпринимательского законодательства**, воспринятое в современном правоведении (В.С. Белых, Е.П. Губин, И.В. Дойников, И.В. Ершова, С.С. Занковский и др.)¹⁹, постепенно стало отражаться в **федеральных законах**, хотя первые шаги на пути кодификации были отклонены. Так,

Федеральный закон “О промышленной политике в Российской Федерации” от 31 декабря 2014 г. содержит не только нормы – регуляторы предпринимательства, но также методы и принципы управления промышленностью. Причем зачастую закон обозначается “политикой” в сфере промышленности. Федеральным законом “О стратегическом планировании в Российской Федерации” от 28 июня 2014 г.²⁰ определены также основы стратегического планирования и управления отраслями экономики на федеральном, региональном и муниципальном уровнях. Данные обстоятельства свидетельствуют о неизбежных процессах кодификации норм права, регулирующих предпринимательскую деятельность в России.

Компаративный анализ постсоветского пространства доказал целесообразность принятия предпринимательского кодекса. Вслед за Хозяйственным кодексом Украины в 2015 г. был принят Предпринимательский кодекс Казахстана²¹. Актуальность и последовательная структурированность упомянутых актов заставляет задуматься о переосмыслении тупикового опыта прежних лет и возвратиться к обсуждению кодификации норм о предпринимательстве. В частности, В.С. Белых, ранее высказывавший позицию о нецелесообразности принятия предпринимательского кодекса России²², спустя десять лет даже выступил одним из авторов-разработчиков Предпринимательского кодекса Казахстана²³.

Экономическая ситуация в стране после избрания курса на рыночную экономику с момента перестройки 90-х годов XX в. не свидетельствует об уходе от сырьевой модели российской экономики. Полагаем, что должны произойти обновление важнейших отраслей промышленности и развитие новых технологий. Видится преждевременным переименование Института экономической политики им. Т.Е. Гайдара, прежнее наименование которого более верно подчеркивало состояние российской экономики – Институт экономики переходного периода (ИЭПП). Небесспорно мнение И.В. Дойникова и Ю.К. Толстого²⁴ о необ-

¹⁷ См.: Толстой Ю.К. О Концепции развития гражданского законодательства // Журнал рос. права. 2010. № 1. С. 31–38.

¹⁸ См.: Лаптев В.В. О некоторых проблемах предпринимательского (хозяйственного) права // Современные проблемы предпринимательского (хозяйственного) права. М., 2011. С. 6–16.

¹⁹ См.: Белых В.С. Нужен ли кодекс о предпринимательстве? // Статус. 2012. № 5.1 (15); Дойников И.В. О проекте предпринимательского (хозяйственного) кодекса // Бизнес, менеджмент и право. 2006. № 3; Ершова И.В. Предпринимательское право: неравнодушный взгляд // Предпринимательское право. Приложение “Бизнес и право в России и за рубежом”. 2012. № 2. С. 2–9; и др.

²⁰ См.: Собрание законодательства РФ. 2014. № 26 (Ч. I). Ст. 3378.

²¹ <http://online.zakon.kz/>

²² См.: Белых В.С. Кодификация или консолидация предпринимательского законодательства: что делать? // Бизнес, менеджмент и право. 2006. № 3.

²³ <http://www.usla.ru/ch.php?mid=27&obid=4133&cid=13>

²⁴ См.: Дойников И.В., Эриашвили Н.Д. Проблемы государства и права переходного периода. М., 2014. С. 24–26; Толстой Ю.К. Е.А. Суханов на путях совершенствования отечественного законодательства // Правоведение. 2007. № 1. С. 152–161.

ходимости отказа от “нефтяной иглы” и реформирования экономики. При этом даже предлагается разработать соответствующую политико-правовую доктрину, а начать, по мнению И.В. Дойникова, нужно с “проектирования научного макета новой Конституции России”²⁵. В данном направлении полагаем неизбежным использовать наработки хозяйственно-правовой мысли о сочетании и единстве частных и публичных начал в регулировании экономических отношений с учетом интересов государства, гражданского общества и субъектов предпринимательства.

Предлагаемые *структурные реформы*²⁶ требуют принятия *нормативных правовых актов*, пошагово регулирующих путь выхода из сложившейся экономической ситуации в России. Видится верным указание Президента РФ В.В. Путина на необходимость разработки “*дорожных карт*” (Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 12 декабря 2013г.²⁷). Реализация данных задач воплощается в таких *подзаконных федеральных актах*, как постановление Правительства РФ от 24 октября 2015г. № 1141 “О порядке разработки, утверждения и реализации планов мероприятий (“дорожных карт”) Национальной технологической инициативы”²⁸, План мероприятий (“дорожной карты”) “Внедрение целевой модели рынка тепловой энергии” (распоряжение Правительства РФ от 2 октября 2014г. № 1949-р)²⁹, План мероприятий (“дорожной карты”) “Расширение доступа субъектов малого и среднего предпринимательства к закупкам инфраструктурных монополий и компаний с государственным участием” (распоряжение Правительства РФ от 29 мая 2013г. № 867-р³⁰) и т.д.

Предпринимательский правовой порядок, который отражается в *федеральных законах*, адаптируется к политико-географическим событиям страны. В частности, в результате присоединения к России Республики Крым и Севастополя, отступая от общедоказанного предпринимательско-правового режима в целях обеспечения баланса интересов государства и участников гражданского оборота соответствующей территории страны, принят Федеральный закон “Об особенностях функциони-

рования финансовой системы Республики Крым и города федерального значения Севастополя на переходный период” от 2 апреля 2014 г.³¹

Признанный Россией приоритет *норм международного права* над внутригосударственным правом с учетом последних событий на международной арене заставил серьезно переосмыслить такое положение. Исторически в российской правовой системе закреплен примат международной части права над внутренней (ст. 15 Конституции РФ, п. 2 ст. 7 ГК РФ, ч. 4 ст. 13 АПК РФ и т.д.). Можно вспомнить, что еще десять лет тому назад усилия руководства России были направлены на вхождение России во Всемирную Торговую Организацию (постановление Правительства РФ от 22 февраля 1993 г. № 141 “О Межведомственной комиссии по вопросам Всемирной Торговой Организации (ВТО)”³², Указ Президента РФ от 10 декабря 2013 г. № 898 “О Постоянном представительстве Российской Федерации при Всемирной торговой организации”³³ и т.д.). Правоведами были подготовлены фундаментальные научные монографии³⁴. Вместе с этим, экономические санкции 2014–2015 гг. США, Канады и ряда стран Евразии против России в связи с присоединением Крыма и событиями на юго-востоке Украины, взыскание Гаагским третейским судом с России денежных средств по искам бывших акционеров ЮКОСа и другие общеизвестные факты породили сплочение и развитие существующих международных интеграций с участием близких по духу с Россией стран-партнеров. В противовес Евросоюзу, Международному Валютному Фонду и Европейскому центральному банку, сотрудничающим с НАТО, стали “набирать обороты” БРИКС, ШОС и ЕАЭС.

Примечательно, что впоследствии немецкий политолог А. Г. Рар подчеркнет ошибки Запада, который рискует “проспать еще один исторически важный поворотный момент”, в частности поскольку сплочение стран в рамках БРИКС и ШОС обладает действенной структурой в области экономики и безопасности, а “самоуверенный Запад верит в то, что обладает необходимыми инструментами и привлекательностью для фор-

²⁵ См.: там же. С. 46–50.

²⁶ Улюкаев: только структурные реформы обеспечат рост экономики // <http://www.vestifinance.ru/videos/22470>; Силуанов: оттягивание структурных реформ сокращает место для маневра // http://www.gazeta.ru/business/news/2015/09/25/n_7633457.shtml и т.д.

²⁷ См.: Росс. газ. 2013. 13 дек.

²⁸ См.: Собрание законодательства РФ. 2015. № 44. Ст. 6135.

²⁹ См.: Собрание законодательства РФ. 2014. № 41. Ст. 5567.

³⁰ См.: Собрание законодательства РФ. 2013. № 23. Ст. 2936.

³¹ См.: Собрание законодательства РФ. 2014. № 14. Ст. 1529.

³² См.: Собрание актов Президента и Правительства РФ. 1993. № 9. Ст. 739.

³³ См.: Собрание законодательства РФ. 2013. № 50. Ст. 6570.

³⁴ См.: Ершова И.В., Аганина Р.Н., Агафонов В.Б. и др. Государственное регулирование экономической деятельности в условиях членства России во Всемирной Торговой Организации, Евразийском экономическом сообществе и Таможенном союзе / Отв. ред. И.В. Ершова. М., 2015; и др.

мирования нынешнего мирового порядка в своих интересах”³⁵.

В 2014 г. в результате образования Евразийского экономического союза³⁶ (на базе *евразийских норм международного права*), ставшего конкурентом Евросоюза и заокеанских партнеров, сформирован единый предпринимательско-правовой режим, обеспечивающий развитие конкурентной бизнес-среды, создание благоприятного инвестиционного климата и защиту интересов всех участников евразийского экономического пространства.

Несмотря на то что *решения международных организаций* не упоминаются в доктрине предпринимательского права в качестве источника права (наряду с общепризнанными принципами и нормами международного права, международными договорами и обычаями), они, бесспорно, обладают нормативностью, ибо обязательны для стран – участниц интеграции. Примером служит решение Высшего Евразийского экономического совета от 23 декабря 2014 г. № 110 “Об утверждении перечня секторов (подсекторов) услуг, в которых функционирует единый рынок услуг в рамках Евразийского экономического союза”³⁷.

Провозглашение конституционного принципа единства экономического пространства, свободы перемещения товаров, поддержки конкуренции (ст. 8 и 34 Конституции РФ) и установление единого недискриминационного предпринимательско-правового режима для всех субъектов предпринимательства не помешали реализации идей диверсификации экономической активности с учетом географических особенностей страны и созданию *специальных правовых режимов* – особых экономических зон (ОЭЗ)³⁸, зон территориального развития (ЗТР)³⁹ и территорий опережающего социально-экономического развития (ТОР)⁴⁰.

Практика показала успешную реализацию бизнес-проектов ОЭЗ в области промышленности (“Алабуга”, “Липецк”, “Тольятти”, “Титановая долина”, “Моглино”, “Людиново”), технологий (“Дубна”, “Санкт-Петербург”, “Зеленоград”, “Томск”, “Иннополис”), логистики (“Ульяновск”, “Советская Гавань”) и туризма (“Долина Алтая”, “Байкальская гавань”, “Бирюзовая Катунь”, “Ворот Байкала”)⁴¹. Правительством РФ закреплена возможность образования ЗТР в 20 субъектах Российской Федерации⁴² (Адыгее, Алтае, Бурятии, Дагестане, Карелии, Камчатском крае, Амурской области, Ивановской области и др.).

В России созданы (зарегистрированы) семь территорий опережающего развития (ТОР), в том числе “Комсомольск” (Хабаровский край), “Михайловский” (Приморский край), «Индустриальный парк “Кангалассы”» (Якутия), “Беринговский” (Чукотка) и другие с количеством резидентов более 70. Данная экономика-правовая модель развития территории (ТОР) была специально разработана для Сибири и Дальнего Востока.

Экономика-географические особенности страны говорят о невозможности сохранения единства рыночного пространства и его баланса на всей территории России без вмешательства государства. Концепция единства публичных и частных начал регулирования экономических отношений, выработанная “*третьей школой*” предпринимательского права, доказала свою жизнеспособность и непрерывную актуальность⁴³.

Степень и содержание регулирующего воздействия на экономические отношения сформировали два подхода. В первом случае правоведы обосновывают необходимость повышения роли государства в экономике и расширения сфер государственного регулирования, полагая, что только активное вмешательство государства может обеспечить гармоничное развитие экономических процессов. Как правило, к первой группе относятся ученые советской и постсоветской школ, правоведы-государственники, учитывающие при этом опыт западных стран (В.В. Лаптев, Ю.К. Толстой, А.И. Бастрыкин, И.Ю. Артемьев и

³⁵ Рар А. Августовская катастрофа // Мир перемен. 2015. № 3. С. 109.

³⁶ См.: Договор о Евразийском экономическом союзе. Астана, 29 мая 2014 // <http://www.eurasiancommission.org/>, 05.06.2014.

³⁷ <http://www.eaeunion.org/>

³⁸ См.: Федеральный закон “Об особых экономических зонах в Российской Федерации” от 22 июля 2005 г. // Собрание законодательства РФ. 2005. № 30 (Ч. II). Ст. 3127.

³⁹ См.: Федеральный закон “О зонах территориального развития в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации” от 3 декабря 2011 г. // Собрание законодательства РФ. 2011. № 49 (Ч. 5). Ст. 7070.

⁴⁰ См.: Федеральный закон “О территориях опережающего социально-экономического развития в Российской Федерации” от 29 декабря 2014 г. // Собрание законодательства РФ. 2015. № 1 (Ч. I). Ст. 26.

⁴¹ <http://www.russez.ru/oez/>

⁴² См.: постановление Правительства РФ “Об утверждении перечня субъектов Российской Федерации, на территориях которых допускается создание зон территориального развития” от 10 апреля 2013 г. // Собрание законодательства РФ. 2013. № 16. Ст. 1955.

⁴³ См.: Лаптев В.А. Влияние “третьей школы” на формирование системы предпринимательского права // Творческое наследие академика В.В. Лаптева и современность. М., 2014.

др.). Другой блок правоведов доказывает целесообразность развития саморегулирования, видя в нем уникальные элементы стимулирования соответствующих сфер экономики, поскольку, наделяя объединения субъектов профессиональной и предпринимательской деятельности возможностью самостоятельно определять правила участников рынка, развивается хозяйственная инициатива и конкуренция (И.В. Ершова, Ю.Г. Лескова, Д.А. Петров и др.).

Надо заметить, что и государственное регулирование, и саморегулирование, как говорится, “одно другому не мешает”, но даже дополняют друг друга. Не допускается их противопоставлять и считать, например, государственное регулирование – публичным, а саморегулирование – частным. Их регулирующее значение для предпринимательства тождественно в обоих случаях, и нет большой разницы между актами правительства либо актами саморегулируемых организаций (далее – СРО), поскольку в обоих случаях вырабатывается правило поведения участников рынка.

Законодателю вместе с Правительством РФ надо разделить все сферы экономики на две группы, одна из которых находится под государственным регулированием (прямым и косвенным), вторая развивается в плоскости саморегулирования (с добровольным и обязательным членством)⁴⁴.

Основная цель саморегулирования – не ослабить регулирование соответствующей сферы экономики, но лишь передать эту функцию от государства саморегулируемым организациям. На практике большинство СРО, принимая собственные стандарты и правила, просто копируют **федеральные стандарты**. В таком случае ставится под сомнение суть саморегулирования⁴⁵, под которым предполагается, что сами участники деятельности (предпринимательской и профессиональной) вырабатывают эффективные стандарты и правила деятельности в целях повышения качества продукции (услуг, работ).

Локальное нормотворчество позволяет адаптировать федеральные стандарты в рамках СРО. **Локальные нормативные акты** СРО (иногда именуемые корпоративными⁴⁶) должны формировать

эффективный локальный предпринимательский правопорядок с учетом соблюдения положений государственных нормативных актов. Вопрос о двойственной природе и публично-правовом статусе СРО подробно рассматривался И.В. Ершовой, обоснованно доказывающей создание ими специального предпринимательско-правового режима⁴⁷.

Публичный режим предпринимательства в России заставил переосмыслить постперестроечные догмы начала 90-х годов XX в. о “безграничных свободах” и абсолютном праве собственности. Государственное регулирование экономики в первую очередь направлено на обеспечение интересов государства и гражданского общества в целом. Нередко данные интересы не совпадают с интересами отдельных лиц, что не может рассматриваться как нарушение конституционных прав (например, гарантии права собственности или свободы предпринимательской деятельности). В частности, примером служит возможность изъятия земельных участков на присоединенных к г. Москве территориях объектов федерального значения и объектов регионального значения, обеспечивающих реализацию государственных задач в области развития инженерной, транспортной и социальной инфраструктур, иных государственных задач (Федеральный закон “Об особенностях регулирования отдельных правоотношений в связи с присоединением к субъекту Российской Федерации – городу федерального значения Москве территорий и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации” от 5 апреля 2013 г.⁴⁸). Такое положение доказывает подчиненность бизнеса предпринимательскому правопорядку.

Климатические и географические особенности земли доказали извечную актуальность *эко-предпринимательства* и *энергосбережения*. Негативное воздействие научно-технического прогресса и промышленности на окружающую среду и угроза экологической безопасности справедливо учитываются в нормотворчестве. Развивая данное направление, принимаются **нормативные акты федерального и регионального уровней**. Практика показала, что федеральным законодательством разрешаются только стратегические вопросы либо задачи государства в общих чертах (например, Федеральный закон “О регулировании деятельности российских граждан и российских юридических

⁴⁴ См.: Очередная 3-я Междунар. конф. “Практическое саморегулирование”, 2 декабря 2015 г. в ТПП РФ // http://tpprf.ru/ru/interaction/councils/sro_council/news/98612/

⁴⁵ См.: Ершова И.В. Саморегулирование предпринимательской и профессиональной деятельности: вопросы теории и законодательства // Актуальные проблемы рос. права. 2014. № 10. С. 2146.

⁴⁶ См.: Лаптев В.А. Акты саморегулируемых организаций как источник регулирования профессиональной и предпринимательской деятельности // Юрист. 2014. № 20.

⁴⁷ См.: Ершова И.В. Общие и специальные нормы в правовом обеспечении саморегулирования // Законы России: опыт, анализ, практика. 2015. № 4. С. 3–9.

⁴⁸ См.: Собрание законодательства РФ. 2013. № 14. Ст. 1651.

лиц в Антарктике” от 5 июня 2012 г.⁴⁹, Федеральный закон “Об охране окружающей среды” от 10 января 2002 г.⁵⁰ и т.д.). В связи с контролем уровня антропогенного воздействия на природную среду и значительными экологическими последствиями прошлой экономической деятельности, Президентом РФ 30 апреля 2012г. утверждены, в частности, Основы государственной политики в области экологического развития Российской Федерации на период до 2030 года⁵¹.

В данном направлении *региональное нормотворчество* можно условно разделить на три группы актов:

акты, определяющие общие положения и политику субъектов Федерации;

акты, контролирующие и регулирующие порядок осуществления эко-предпринимательства;

акты стимулирования эко-предпринимательства, создания и внедрения энергосберегающих технологий в отдельные сферы экономики.

К первой группе, в частности, относятся Закон Владимирской области “Об экологическом образовании, просвещении и формировании экологической культуры населения Владимирской области” от 13 февраля 2007 г.⁵², постановление Правительства Ростовской области “Об утверждении государственной программы Ростовской области “Энергоэффективность и развитие энергетики”” от 25 сентября 2013 г., Закон Республики Тыва “Об энергосбережении и о повышении энергетической эффективности в Республике Тыва” от 21 февраля 2014 г.⁵³ и др. Во вторую группу входят постановление Правительства Республики Бурятия “Об утверждении Положения об организации и осуществлении регионального государственного экологического надзора” от 18 ноября 2011 г.⁵⁴, постановление Правительства Москвы “Об утверждении Единых экологических требований по обустройству мест временного хранения отходов производства и потребления организациями-природопользователями города Москвы на занимаемых земельных участках” от 12 декабря 2006г.⁵⁵ Третью группу составляют такие акты субъектов Федерации, как Закон Чукотского автономного округа “О регулировании отдельных вопросов в области энергосбережения

и повышения энергетической эффективности на территории Чукотского автономного округа” от 8 октября 2012 г.⁵⁶, постановление Правительства Санкт-Петербурга “О Концепции повышения энергетической эффективности и стимулирования энергосбережения” от 11 ноября 2009 г. и иные акты.

По вопросу эко-предпринимательства принимаются и *муниципальные акты* (например, постановление Администрации г. Волгодонска “О стимулировании энергосбережения и повышении энергетической эффективности на территории города Волгодонска” от 20 августа 2010 г.⁵⁷).

Актуальность данного вопроса подтверждается дискуссией в рамках ООН об ограничении выбросов парниковых газов в атмосферу, докладами Всемирной Метеорологической Организации при ООН и Конференцией ООН по изменению климата в Париже (ноябрь 2015), на которой около 190 стран поддержали вопрос о подписании *международного соглашения* по поддержанию увеличения средней температуры планеты на уровне ниже 2° С, пришедшего на смену Киотскому протоколу к Рамочной конвенции ООН об изменении климата (г. Киото, 11 декабря 1997 г.).

Не прекращается работа по правовому обеспечению вопросов инноваций и технологической революции в российской экономике. Правительством РФ приняты ранее упомянутые Правила разработки, утверждения и реализации планов мероприятий (“дорожных карт”) Национальной технологической инициативы, в том числе определяющие условия государственно-частного партнерства. В настоящее время утверждено несколько дорожных карт, среди которых “Автонет” (беспилотные транспортные средства), “Нейронет” (активизация мозговой деятельности человека) и др.

В предпринимательском праве важное место занимают источники регулирования внутрихозяйственных отношений (корпоративных и внутрипроизводственных). К *локальным источникам права* можно отнести *локальные нормативные акты* (устав, положения об органах управления и т.д.), *нормативные договоры* (корпоративные договоры, коллективные договоры и соглашения и иные организационно-управленческие договоры), *корпоративные и иные локальные обычаи*.

Применительно к данной системе норм особое отношение высказывает Т.В. Кашанина, которая

⁴⁹ См.: Собрание законодательства РФ. 2012. № 24. Ст. 3067.

⁵⁰ См.: Собрание законодательства РФ. 2002. № 2. Ст. 133.

⁵¹ См.: СПС “КонсультантПлюс”.

⁵² См.: Владимирские ведомости. 2007. 21 февр.

⁵³ См.: Тувинская правда. 2014. 25 февр.

⁵⁴ См.: Бурятия. 2011. 22 нояб.

⁵⁵ См.: Вестник Мэра и Правительства Москвы. 2007. № 6.

⁵⁶ См.: Ведомости. 2012. 12 окт.

⁵⁷ См.: Волгодонск Официальный. 2010. 7 сент.

полагает, что локальное нормотворчество (в рамках корпорации) образует особую систему источников корпоративного права и дополнительно помимо вышеуказанных включает в себя корпоративные деловые обыкновения и корпоративные прецеденты⁵⁸. По нашему мнению, как и ранее было отмечено, корпоративные отношения не образуют предмета самостоятельной отрасли права (корпоративного права) и не могут рассматриваться как частноправовые отношения, но выступают разновидностью предпринимательско-правовых (корпоративных, внутрихозяйственных, внутрифирменных) отношений.

Локальные источники права создают правовой режим корпоративных и производственно-хозяйственных отношений в рамках организации. Существо данных источников права не ограничивается их нормативным свойством, поскольку несет в себе экономико-социальное значение. Наглядным примером стало письмо Банка России “О Кодексе корпоративного управления” от 10 апреля 2014 г.⁵⁹ Несмотря на его рекомендательный характер, все публичные корпорации незамедлительно внедрили у себя данные **кодексы корпоративного управления**, выступающие по своей правовой природе корпоративными обычаями (Сбербанк, Внешторгбанк, Роснефть, Аэрофлот и др.). Во-первых, это связано с созданием благоприятной среды для развития фонда прямых инвестиций. Во-вторых, это обеспечивает прозрачность управления и деятельности корпорации для третьих лиц (например, контрагентов корпорации), что дает уверенность при выстраивании хозяйственных связей.

Глобализация Интернет-торговли (онлайн-торговли) потребовала издания специальных регулирующих актов. Электронная коммерция в известной степени граничит, а иногда и пересекается с вопросами рекламы, конкуренции и обмена информацией. В данном направлении отмечается роль **нормативных актов Правительства РФ**, вырабатывающих основы развития электронной коммерции (например, п.1 Прогноза научно-технологического развития Российской Федерации на период до 2030 года⁶⁰ или п. 1 разд. II Стратегии развития отрасли информационных технологий в Российской Федерации на 2014–2020 гг. и на

перспективу до 2025 г.⁶¹). Принимаются также и **ведомственные акты**, среди которых Концепция развития почтовой связи в Российской Федерации на период до 2020 года (Минкомсвязи)⁶².

Получают широкое распространение в России индустриальные парки (технопарки, инновационные и промышленные кластеры, промышленные парки) как важнейший сектор развития экономики страны, способный развивать промышленность и повышать конкурентоспособность в соответствующей отрасли экономики. В данном направлении принят большой пакет **нормативных актов Правительства России**, в том числе постановления Правительства РФ: “Об отборе субъектов Российской Федерации, имеющих право на получение государственной поддержки в форме субсидий на возмещение затрат на создание инфраструктуры индустриальных парков и технопарков” от 30 октября 2014 г.⁶³; “О промышленных кластерах и специализированных организациях промышленных кластеров” от 31 июля 2015 г.⁶⁴; “Об индустриальных (промышленных) парках и управляющих компаниях индустриальных (промышленных) парков” от 4 августа 2015 г.⁶⁵ и др. В круг основных задач индустриальных парков и иных бизнес-площадок входят создание нового промышленного производства, а также объединение производственного потенциала предпринимателей по принципу территориальной близости или функциональной зависимости. Данные статистики говорят о том, что в настоящее время в России создано около 90 и в процессе создания – более 60 индустриальных парков и технопарков⁶⁶.

Приведенный обзор источников предпринимательского права свидетельствует о динамичном развитии подходов к регулированию предпринимательских отношений с учетом состояния экономики страны. Каждый правовой акт требует комплексной оценки его экономико-правовых свойств, социальных последствий его действия, территориальной адаптации и географии применения. Рассмотренная система источников права подчеркивает существование целостного предпринимательского правопорядка в России.

⁶¹ См.: Распоряжение Правительства РФ от 1 ноября 2013 г. № 2036-р // Собрание законодательства РФ. 2013. № 46. Ст. 5954.

⁶² См.: Приказ Минкомсвязи России от 10 апреля 2015 г. № 105 // <http://minsvyaz.ru> (По сост. на 13.07.2015 г.).

⁶³ См.: Собрание законодательства РФ. 2014. № 46. Ст. 6344.

⁶⁴ См.: Собрание законодательства РФ. 2015. № 32. Ст. 4768.

⁶⁵ См.: Собрание законодательства РФ. 2015. № 33. Ст. 4827.

⁶⁶ <http://www.indparks.ru/investors/map/>

⁵⁸ См.: *Кашанина Т.В.* Структура права. М., 2012. С. 480–497.

⁵⁹ См.: Вестник Банка России. 2014. № 40.

⁶⁰ Утвержден Правительством РФ // <http://government.ru> (По сост. на 22.01.2014 г.).